

Независимая газ. — 1994. — 22 окт. — С. 5.

НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ РЕАЛЬНОГО, ЧЕМ НАШИ ИЛЛЮЗИИ

Валерий Комиссаров и его «самая материалистичная передача»

Антонина Беляева

Зеркало

Когда он работал в «Пресс-клубе», он показывал, как за час можно зарабатывать большие, по тем временам, деньги — 700 рублей. Из вполне реальной жизни Валерий Комиссаров ушел в жизнь иллюзорную и создал «Канал иллюзий». Теперь он каждый день смотрит из окна на Красную площадь, придумывает предвыборную кампанию Анклу Бенсу, возит бомжей в Париж и создает одну большую иллюзию, что всем, в том числе и нам, телезрителям, можно захотеть всего, чего душа пожелает. И что-нибудь, да сбудется.

- КАНАЛ Иллюзий — это средство против реальности? Или вполне закономерная альтернатива нынешним «приземленным» телепередачам?

— Я как-то задумался над тем, чем сейчас живет человек. В основном, надеждой. Потому что, по большому счету, у большинства людей есть только стремления, намерения, надежды. А того, к чему они стремятся, у них, к сожалению, нет. Половина населения, например, хочет иметь машину, квартиру, все хотят любить и быть любимыми. На самом деле все это, в хорошем смысле слова — иллюзия, которая, если в нее верить, может материализоваться. Поэтому ничего нет более реального, чем те иллюзии, которыми мы живем. Мы долгое время жили иллюзиями, что будет коммунизм, на Западе существует Американская мечта, или иллюзия, что каждый человек может стать президентом. На самом деле, это и так, и не так. То есть если человек верит в материализацию своего желания, он чего-то достигает в этой жизни. Хотя, в то же время, и его достижения тоже иллюзия.

— Это новый жанр — «иллюзия»?

— Все искусство в какой-то степени — иллюзия. Например,

поэзия. Трудно определить жанр моей передачи. С одной стороны — это живое кино, то есть существует постановочная часть. Но в то же время действие происходит в реальной жизни, с реальными людьми. Не могу же я написать в титрах: в роли бомжа — бомж. Реальность и иллюзия спутаны. Так же происходит и в жизни. Есть две категории: правда-матка и наши мечты. Не надо объяснять, что такое правда-матка, — это то, что все мы рано или поздно помрем, что нас никто не любит, что мы бедны, что предоставлены сами себе. А иллюзия — то, что мы богаты, потому что человек богат настолько, насколько он ощущает себя богатым. Мы бессмертны — потому что не думаем о смерти. Мы не предоставлены себе, потому что кому-то нужны. Жизнь — сплав и того, и другого.

Легко создать эпоху конкретной материализованности. Чтобы журналист, найдя кусок дерьма, клал его под микроскоп. Или открывал, что у кого-то рваные колготки. Трудно создать себе мир идеальный, не в смысле бесплотную фантазию, а идеальный — нравственно чистый, духовный. Вот это и есть та самая мечта, иллюзия. Еще Платон говорил, что «от чистых помыслов мы перейдем к чистым мыслям, от чистых мыслей мы перейдем к чистой жизни, а от чистой жизни мы перейдем к абсолютной красоте».

— Желание «абсолютной красоты» воплотилось в вашей программе?

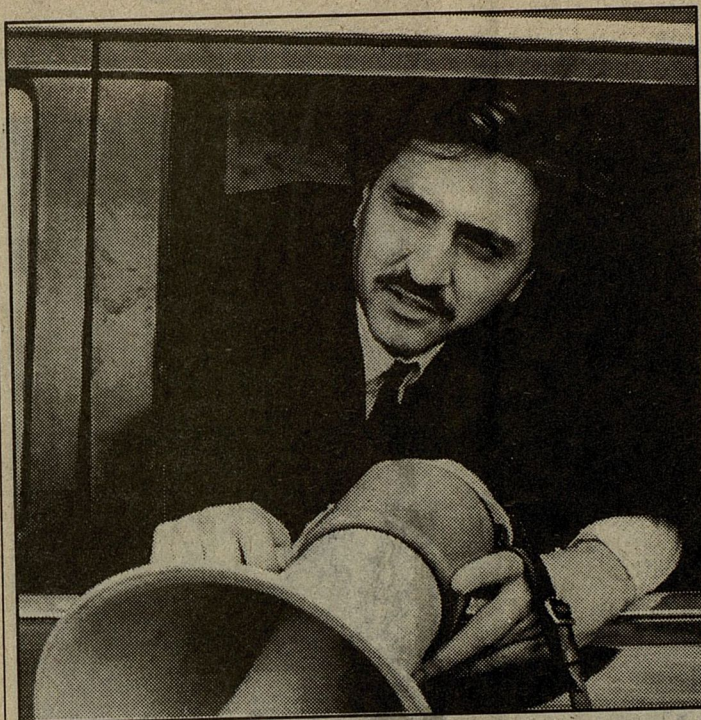
— Желание видеть вокруг себя хорошее. Это привело к созданию «Канала иллюзий», который я считаю самой материалистичной на нашем телевидении передачей.

— Почему?

— Потому что ничего нет более постоянного, чем временное, и ничего нет более материального, чем наша надежда жить лучше.

— Человек уходит в мир иллюзий. А столкновение с реальной жизнью вокруг него может привести к конфликту, который плохо закончится?

— Посмотрим конкретную передачу. В самой первой программе был сюжет о бомже. Жил человек своей жизнью, пил портвейн, заку-

Валерий Комиссаров.

Фото Сергея Иванова.

сывал краюхой черного хлеба. И ничего ему в жизни не надо было, да ничего он и не мог пожелать. Что светило ему? Но вдруг жизнь поворачивается иным образом. Точно так же незаметно, неизвестно откуда берутся все трагедии и беды, они исчезают, и с неба сваливается нечаянная радость. Бывает такое, так уж мир устроен. Жил бомж, и вдруг ему говорят: «Что хочешь в жизни, то и получишь». Он отвечает: «А что я в жизни хочу? Я ничего не хочу». И когда он решил для себя, что ничего не хочет, он стал блаженным. И он многое неожиданно-негаданно получил. Как бы в обмен на свою исповедь на телеэкране. Потом многие говорили, что это жестоко, человека нельзя делать счастливым, он потом будет несчастным. Такая вот демагогия. Клеопатра требовала за ночь с ней — голову, и не было числа поклонникам, которые выстроились в очередь. Потому что человек должен быть счастлив, хотя бы на

мгновение, на миг. Говорили также, что я — жестокий человек, что я играю с людьми, ставлю эксперименты. Кем только меня не называли — фашистом, да просто сволочью.

На самом деле силами создателей передачи создана некая ситуация, где человек или группа людей играли по моим правилам и как бы высвечивали определенные моменты, которые не выносятся на публику. Не принято. Например, в первых программах «Канала иллюзий» была идея признания. Известные люди перед телекамерой признавались в любви. Опять недоговаривание — а зачем это нужно делать, зачем выставлять чувство на всеобщее обозрение. Что, мол, признание нужно говорить шепотом, тихо под одеялом, и вообще лучше не говорить. И получилось, что самое страшное — произнести «Я тебя люблю». «Я тебя убью» произнести в сто раз проще. И все сказали: пижонство это, фрондер-

ство — выйти на площадь и закричать: «Я тебя люблю». Попробуйте. Для этого действительно нужно быть чистым в помыслах, потому что ты заявляешь это ради своего чувства. И иллюзия, и реальная жизнь соединяются в гармонии.

— Вернемся к бомжу.

— Прошло некоторое время. В первой передаче была жестокая фраза, за которую меня критиковали: «Мы большие никогда не вернемся к тебе». Бомж говорил и говорил, что хочет, чтобы мы его не бросали, вели по жизни. Я бы мог, конечно, перед камерой наобещать чего угодно. Но выполнить обещания было бы нереально. На этом все и закончилось, но через год мы опять вернулись к нему и спросили: «А что ты еще хочешь?». Собственно говоря, я и режиссер программы Руслан Заверзин — мы не расставались с Олегом Ивановичем, поддерживая связь. И он изложил желание поехать в Париж. Совершенно безумная, нереальная идея. Бомж — и в Париж. Так же нереально, если бы мы в следующей программе его в космос запустили. Но чем выше человек себе ставит планку — тем реальнее осуществление всех его пусть даже самых нереальных планов. Это внутренний максимализм, который двигает прогресс. И мы побывали в Париже.

— Какие эксперименты вы будете проводить в следующих программах?

— Я лучше расскажу о том, чего не будет. Представьте себе такую ситуацию: человек с микрофоном подходит к прохожему и просит разрешения взять интервью. Тот соглашается. Они отходят в сторону, человек с микрофоном со всего размаху бьет прохожего по лицу, а потом спрашивает: «Что вы можете сказать по этому поводу?». Дальше он может снимать такие откровения, какие только пожелает, если сам, конечно, не получит, грубо выражаясь, по морде. Так вот, подобных сюжетов у нас не будет, хотя, конечно, может быть, когда вы это опубликуете, эту идею кто-нибудь да использует. Ведь озлобленным человеком куда как легче управлять. Но то, что иллюзии в следующих программах будут большие и маленькие, — это точно.